

*Андрею.
Ты ушел слишком рано*

Четырнадцать лет назад

Сердце разрывалось. Все вокруг было размыто, мутно, словно под толщей воды. Жаркий полдень последнего школьного дня гудел в радостном предвкушении отдыха: все обсуждали планы на каникулы, кто-то уже представлял себя на море, и каждый мечтал поскорее избавиться от учебников. Двор первой городской школы жужжал как взбудораженный улей, но не зло, а радостно-мечтательно. И лишь одной Регине хотелось умереть.

Она ненавидит летние каникулы. Ведь это значит, что Митю она не увидит целых три месяца. Вначале родители повезут его с визитами вежливости (или с «вояжами», как называет это сам Митя) по многочисленным родственникам. А родственники у Мити знатные — профессора, банкиры, бизнесмены и даже троюродный дядюшка-режиссер. Наобнимавшись, наговорившись и навидавшись со всеми, Митя с родителями улетит на море «напитываться йодом», как выражается его мать, утонченная красавица Екатерина Антоновна, а затем в языковой лагерь улучшать французский. В то

время как она, Регина, будет празднично шататься по опустевшему, выжженному жарой пыльному городу, где летом кроме тополиного пуха нечем дышать. Где воздух пропитывается гарью от дымящихся заводов, а вода в речке приобретает зеленый цвет и смердит хуже городской помойки.

Она будет нарезать круги вокруг дома Мити, чтобы в стотысячный раз посмотреть на его окна. В них не будет света. Она дожидается темноты и того момента, когда мать наконец уснет. Вернется домой и с радостью вычеркнет из небольшого календаря еще один день.

Регина ненавидит каникулы и, в отличие от остальных одноклассников, которые не могут дождаться их начала, стремится растянуть оставшийся день как резину. Чтобы счастье продлилось как можно дольше, наполнило ее, чтобы воспоминаний хватило до двадцать восьмого августа. Дня, когда Митя вернется в город.

Конечно же, он будет ей писать — они обо всем договорились. Каждый день будет отправлять хотя бы несколько строк. Зная Митю, она уверена, что так и будет. Но ведь она не сможет ему ответить. Поэтому общение все равно будет неполноценным.

Хотя это, наверное, к лучшему. Что ей рассказать? У нее нет дядюшки-режиссера с миллионом забавных историй. Лучше Митю послушает.

— Прикроешь меня? — жарко шепчет Регина на ухо Лизке. Та смеется, ей щекотно и радостно за подругу. Лизка, легкая, как перышко, похожая на призрачное дуновение весеннего ветерка с ее

спиральками-кудряшками, веснушками и вечно смеющимися глазами. Ее самый родной человек.

— Ну, конечно, дурында, — кивает она, — когда и на сколько?

— Мы в парк пойдем гулять, в шесть, — еще ближе пододвигается к подруге Регина. Как она может ответить «на сколько», если рядом с Митей она попадает во временную дыру, последнее, о чем она думает, — это время.

— Ладно, схожу в кино, — вздыхает подруга. — Даю вам времени до девяти, хватит?

Регина морщится, затем кивает. До девяти — это же целая вечность! Порывисто обнимает подругу:

— Ты лучшая. Что бы я без тебя делала?

— Сама не знаю, что бы ты без меня делала, — смеется Лизка и снова становится невесомой и такой родной. Затем делает шаг назад и смотрит на Регину:

— А вы в какой парк собрались?

— В «Пионерский», а что?

Регина безоговорочно доверяет подруге. Если та задает вопрос, значит, есть повод.

— А Катруся вас там не засечет со своей собачкой? Она же как раз на пробежки в это время выходит.

— Нет, сегодня у нее шейпинг, — радостно выдыхает Регина. — Митя все предусмотрел.

— Хорошо, — серьезно кивает Лиза, — потому что Катруся нажалуется маму, а та мне голову оторвет.

Вместо ответа Регина обнимает подругу.

— Люблю тебя, — жарко шепчет она Лизке на ухо, а та снова смеется.

Наше время

От вранья отчаянно тошнило. Но она приказала себе не думать об этом. Встала пораньше, испортила два листа бумаги в попытке изобразить детский примитив. С третьего раза получилось. Рисунок выглядел кривоватым, но ярким и радостным — детский психолог остался бы доволен. Дело за малым — уговорить Алису поучаствовать в представлении.

В последнее время Регина всеми силами пыталась избегать общения с девочкой. Ведь каждая ее просьба, пожелание или приказ сопровождалась истериками, шантажом, вымогательством, а иногда и откровенным хамством. Но сегодня у нее просто нет выбора. Придется вынести все ради благой цели.

Наложив последние штрихи на слишком бледное лицо, Регина решила добавить капельку румян — она знала, что розовые румяна делают лицо на фотографиях моложе. Окинула себя долгим взглядом в зеркале — моложавая, подтянутая, ухоженная.

Длинные густые темные волосы, идеально ровная челка, острые скулы и чуть припухлые губы (не природа, конечно же, а аккуратный укол). Грудь, талия, стройные ноги, которые Сергей зачем-то еще больше вытягивал во время обработки фотографий. И глаза.

Глаза — это ее генетический джекпот: синие, с двойным рядом ресниц. Единственный подарок от мамы. Именно глаза делали в целом непримечательное лицо Регины по-настоящему красивым.

От них невозможно было отвести взгляд. И именно поэтому большую часть времени Регина предпочитала ходить в солнечных очках. Не любила пускать в душу посторонних.

В дверь постучали.

— Готова? Давай сфоткаю, пока свет хороший.

Последние три года ее муж Сергей занимался только фотографией. Надо отметить, у него отлично получалось. Без него ее блог не был бы столь успешным и не привел бы ее туда, где она была сейчас.

Регина одной из первых освоила социальные сети. Очутившись в декрете с маленьким Тимом, вырванная из привычной среды, она отчаянно скулала и открыла для себя виртуальный мир.

Вначале это были небольшие остроумные размышления о жизни молодой матери (ей всегда удавалось разыскать интересные детали в ничем не примечательных на первый взгляд вещах и событиях). А фото упитанного розовощекого маленького Тима, выглядящего младенцем с рекламы мыла, придавали всем ее заметкам умильный характер.

Все больше пользователей осваивали новую социальную сеть и искали отдых для глаз и мозга. Аккаунт Регины оказался идеальным решением — красивые картинки и забавные заметки.

Подписчиков становилось все больше, блоггерство захватило, увлекло и в конце концов начало приносить ощутимый доход.

Регина стала первой «яжматерью» русскоязычного интернет-пространства, и на ее голову полился щедрый дождь из рекламных контрактов,

приглашений на радио и телевидение, многочисленных интервью в глянцевых журналах и даже автограф-сессий. Она стала лицом двух местных марок, после чего окончательно бросила работу медсестры и переквалифицировалась в профессионального блогера.

Работа приносила удовольствие и ничуть не изматывала: на воображение Регина никогда не жаловалась, темы для публикаций витали в воздухе — бери и излагай. И хотя в детстве и юности ей тяжело давалось излишнее внимание к собственной персоне, она сумела измениться и со временем даже начала ощущать, что ей нравится купаться в свете софитов, нравится, когда люди узнают на улице, нравится быть звездой. У нее все получилось. Не благодаря, а вопреки.

Конечно же, Сергей тоже сыграл свою роль. Муж бросил скучную работу банковского служащего, купил профессиональную фототехнику, записался на курсы и неожиданно открыл в себе талант фотографа.

Он часто мелькал у нее в блоге, дополняя картинку счастливой современной семьи. Сделав себе имя на красивых фотографиях жены и ребенка, он стал получать заказы и от подписчиков Регины, что слегка действовало ей на нервы и немного расстраивало. Особенно когда выяснилось, что, помимо сладких семейных портретов, Сергей еще и весьма качественно снимает эротику. После первой попытки (в качестве модели он снял собственную жену) тоненький ручеек клиентов превратился в грохочущий водопад.

В то время как бизнес Сергея расширился и расцвел — он стал делать фотографии для стоков, сотрудничать с глянцевыми изданиями и даже получил премию за лучшее фото от иностранного издания, солнце славы самой Регины начало стремительно катиться к закату.

Интернет наводнили новые звезды и гуру — многодетные тонкие и звонкие матери, одной рукой воспитывающие многочисленных фотогеничных детей, а другой ведущие домашнее хозяйство: ловко стругающие салаты из артишоков и козьего сыра, вдохновенно сочиняющие пудинги из кокосового молока с семенами чиа и ведущие отвратительно здоровый образ жизни. Наводящие красоту строго органическими средствами и моющие голову по определенному ритуалу, связанному с фазой луны.

Раз в два года они выпускали в свет нового младенца, колесо делало оборот, хлопоты и трудности росли, а нетребовательная публика жадно внимала подробностям — справится ли с возросшей нагрузкой молодая мать и решит ли снова забеременеть? Конкурентки выкладывали настолько личные подробности, что у Регины кровь в жилах стыла. И, к сожалению, ей было нечего противопоставить широким замочным скважинам, через которые отчаянные женщины пускали в свою жизнь посторонних.

Единственный сын Регины стремительно выходил из возраста прелестного малыша, превращаясь во вредного подростка. Он категорически отказывался участвовать в родительских проектах и мелькать в бесконечных сторис. Регина боль-

ше не чувствовала себя вправе раздавать советы по материнству, а все чаще начинала говорить на отвлеченные темы и пользоваться дешевым приемом, спрашивая у читателей «А как у вас?». Но чем дальше, тем больше у них с Сергеем возникало чувство, что их шикарная парусная яхта медленно, но верно идет ко дну.

Регину это приводило в отчаяние. Наверное, поэтому она и согласилась на безумную авантюру, придуманную Сергеем: удочерение симпатичной девочки Алисы, от которой уже отказались две предыдущие семьи, мотивировав свое решение гнусным характером ребенка.

Алиса была кукольно-красива — очаровательные рыжие кудрявые волосы, зеленые глаза, фарфоровая кожа, щедро усыпанная веснушками. На фотографиях Сергея она выглядела солнышком, маленьким ангелом, в жизни же девчонка была настоящим чудовищем, по капле отравлявшим Регине жизнь. И как бы она ни старалась, она так и не смогла полюбить Алису.

— Регина, не дури, выходи, опоздаете. У меня съемка начинается через час, мне уже пора выезжать, — тихий голос мужа вырвал Регину из пучины невеселых мыслей.

Глубоко вдохнув, она распахнула дверь и бодро-фальшиво улыбнулась Сергею, понадеявшись, что он ничего не заметит. Впрочем, тот и не смотрел в ее направлении. Вернулся к камере, взглянул на экран и скомандовал:

— Давай так, сейчас Алиса войдет и даст тебе...
Что она тебе даст?

— Рисунок.

— Да, рисунок. Ты его возьмешь и медленно, только медленно, а не как в прошлый раз, возьмешь, помотришь, оценишь, потом обнимешь и поцелуешь Алису. Поняла?

— Не дура, — не выдержав, огрызнулась Регина, но, поймав укоризненный взгляд мужа, тут же раскаялась — в последнее время она слишком жестока к нему. Он же хочет как лучше.

— Алиса, — позвал Сергей, не заметивший душевных терзаний жены, — детка, иди сюда.

Ни звука. Регина бросила обеспокоенный взгляд в коридор, в торце которого располагалась комната девочки.

— Она точно проснулась? — уточнила она у мужа, в чьи обязанности входило будить Алису по утрам.

У самой Регины не хватало на это терпения. Девочка с трудом вставала, капризничала и мотала нервы по полной программе. Затем наступал момент завтрака, и все становилось еще хуже.

Алисе никогда не нравилось то, что готовила Регина. Девочка соглашалась есть лишь то, что ел Тим. Вот уже некоторое время тот готовил себе сам и категорически отказывался от помощи матери. И хотя меню Тима приводило ее в отчаяние (яичница с колбасой, бутерброды с плавленым сыром и почему-то макароны с сахаром), она махнула на это рукой, потому что этой дрянью он мог накормить и Алису. Без криков и воплей. Регина ненавидела себя за малодушие, но не делала ничего, чтобы это изменить. В свое время Тим безропотно

ел то, что ему предлагали, поэтому Регина понятия не имела, что делать с ребенком, который от еды отказывается.

— Я будил, она сказала, что встает, — отрапортовал Сергей, не двинувшись с места. — Давай пока пару твоих кадров. Типа ты кофе делаешь или грустишь у окна, потом напишешь, как печально, что дети так быстро растут.

— Фу, — скривилась Регина, — как оригинально. Нет уж, давай поднимай Алису, а то мы действительно опоздаем.

— Мне вообще-то надо выезжать, — смалодушничал муж.

К девочке он относился неплохо. Но выслушивать очередной раунд ее воплей и скандалов совсем не хотелось. Настроение было слишком солнечным и радужным для обычной рутины. Грядущий день сулил много всего приятного. В частности — Снежану.

Регина кинула сердитый взгляд на мужа и уже собиралась высказать ему все, что думает, но в последний момент сдержалась.

Отношения и так были напряженными, они с Сергеем проходили через очередной кризис семейной жизни (так ей сказала психолог), не нужно лишний раз испытывать мужа на прочность.

Бросив встревоженный взгляд на часы, Регина решительным шагом направилась к комнате Алисы, но на половине пути, как обычно, струсила. Толкнула дверь по правую руку — в комнату Тима. Сын, одетый и собранный, сидел перед компьютером, смотрел очередной японский мультфильм — в этот раз «Наруто».

— Уже едем? — Тим легко подскочил и схватил школьный рюкзак. Регина с трудом удержалась, чтобы не обнять и не поцеловать его — в последнее время подросток все сильнее сопротивлялся материнской ласке, это тоже огорчало.

— Можешь поднять Алису? — немного заискивающе попросила Регина и, заметив вопросительный взгляд сына, немедленно подлизалась. — У тебя это лучше получается.

— Алиска-а-а! — не задавая лишних вопросов, заорал Тим и направился в соседнюю комнату, откуда немедленно донесся вопль. — Ты что, проспала? Давай вставай! В школу опоздаешь!

Регина вернулась на кухню. Несколько минут изящно сервировала стол. Движения были автоматическими — она знала, под каким углом положить салфетку, чтобы было красиво. Как составить фотогеничную композицию — кофейная чашка тонкого фарфора на фоне массивной оригинальной вазы, усыпанной керамическими улитками. Эту красоту они привезли в прошлом году из Португалии.

В вазе свежий букет цветов. Белоснежная скатерть, которая расцвечена радужными бликами стекла. Тонко порезанный сыр, авокадо, цельнозерновые тосты в плетеной корзинке прикрыты накрахмаленной салфеткой. В яркой детской чашке какао. Идеальное утро в идеальной семье.

— Фу, я не буду это жрать, — немедленно заканючила Алиса, едва войдя в кухню и даже не посмотрев толком на стол.

— Не жрать, а есть, — тут же поправил ее Тим.

— Это ты ешь, а я жру, — принялась настаивать Алиса, зная, что этим доведет Регину до бешенства.

— Алиса, — глубоко вдохнув, Регина повернулась к девочке, — мне нужно, чтобы ты дала мне этот рисунок, а Сер... папа сфотографирует нас в этот момент.

— Купи куклу Братц, — немедленно заявила Алиса и, скрестив руки на груди, уставилась на Регину прозрачными глазами. Рыжие волосы растрепаны, футболка после сна помята и растянута — настоящая bestia.

— Что? — на секунду опешила Регина, хотя уже должна была привыкнуть к подобным выходкам.

— Что слышала! Купи куклу Братц, и тогда я дам тебе рисунок.

— Ты что, решила со мной поторговаться? — Регина почувствовала надвигающийся приступ бешенства и с силой вонзила ногти в ладони, чтобы купировать его. Не поддаваться, только не поддаваться, не показывать девочке, что она шантажом может выбить из нее эмоции.

— Так нельзя, Алиса, — резонно возразил Тим, усаживаясь за стол. — Мама старалась, готовила тебе завтрак. Сегодня первый день в школе. Ты что, хочешь со всеми поссориться?

— Я хочу куклу Братц! — на высоких децибелах завизжала Алиса, а Регина резко, не отдавая себе отчета в том, что делает, заткнула уши руками.

— А-а-а! — продолжала заходиться Алиса.

— Прекратите! — наконец вмешался Сергей.

Все чаще «теплая домашняя атмосфера», которую они каждый день продавали наивным подпис-

чикам, действовала ему на нервы. Вот и теперь — Регина, образцовая мать, не могла справиться с девчонкой. Хотя, справедливости ради, та и мертвого сумела бы до ручки довести.

— А можно начать утро в доме без воплей? — гаркнул он командирским тоном. И тон этот совершенно не вязался с укороченными хипстерскими брюками, розовой приталенной рубашкой, короткими носками и слишком аккуратно уложенными волосами.

Регина опустила руки и увидела, что муж разъярен. А раз ему плохо дома, то покой он будет искать где-нибудь в другом месте — к гадалке не ходи. К тому же и местечко уже имеется, судя по всему.

— Хорошо, — тихо сказала она, и девчонка немедленно оборвала визг. Вопросительно взглянула на Регину. — Хорошо, я куплю тебе эту чертову куклу, только замолчи и сделай то, что тебя просят.

— Две куклы, — тут же сориентировалась Алиса и иезуитски улыбнулась.

— Что? — остолбенело переспросила Регина, но, заметив нахмурившегося мужа, кинувшего обеспокоенный взгляд на часы, покорилась. — Ладно, две куклы.

— Ясно, кто у нас в семье босс, — Сергей тут же сменил тон с гневного на милостивый и, коротко нырнув в коридор, вернулся с очередным объективом, который принялся прилаживать на камеру. — Алиса, детка, мама сейчас даст тебе рисунок, а ты сделаешь вид, что даешь его маме.

— А что, так можно было? — немного обиженно хихикнул Тим. — А почему я все делал просто так?

— Потому что ты идеальный ребенок, — не сдержавшись, выпалила Регина и тут же обругала себя — взрослая женщина, а ввязывается в конфликт с ребенком.

— Готовы? — поторопил их Сергей.

— Дай мне три минуты, я ее переодену и расчешу, — спохватилась Регина, а муж лишь закатил глаза в ответ.

* * *

На фотографиях Сергея все было идеально: любящая прекрасная семья объединилась в едином порыве в трогательный и значимый момент — младшая дочь идет в школу. Глаза лучились любовью, объятия были теплыми и искренними, все члены семьи друг друга обожали. Как жаль, что реальная жизнь — это не фотография в социальной сети.

Регина пыталась улыбаться, ведь среди тех, кто привел сегодня в школу розовых и сопящих малышей, наполненных важностью момента, вполне могли быть ее подписчики. В родном городе она была личностью известной.

Но счастье и энтузиазм давались ей с трудом. После выхода из дома ей позвонил чиновник городской администрации с говорящей фамилией Сморчков и промямлил, что с ее проектом возникли сложности. Нужно все еще немного обдумать и обсудить. Регина с трудом удержалась от того, чтобы не наговорить ему гадостей. Все было просто и банально. Дорогой фитнес-клуб на месте старого спорткомплекса, конечно же, был более выгоден

администрации, чем простой детский бассейн, где дети из малообеспеченных семей смогут научиться плавать благодаря проекту Регины. Сквозь зубы она попросила чиновника о личной встрече. Ей нужна была отсрочка, чтобы решить, что делать.

Закончив разговор, Регина выдохнула, улыбнулась и сделала вид, что абсолютно счастлива. Казалось, будто все тело болит от тщетных усилий выдать желаемое за действительное. Алиса доверчиво взяла Тима за руку и весело пошла с ним впереди, с интересом слушая воспоминания о первом школьном дне брата и наставления, как нужно себя вести, чтобы не подставиться. А Регина, держа в руках стильный букет цветов (никаких пошлых гладиолусов!), шла за ними, с трудом переставляя ноги.

Хотелось лечь на землю, зареветь от отчаяния, уснуть и не проснуться. Или просто развернуться, убежать в машину, уехать домой и предоставить Сереже со всем разбираться. Хотя бы раз в жизни. Кстати, а почему он не явился на первый учебный день любимой «доченьки»? Какая съемка оказалась для него важнее? Зачем он вообще ее назначил на первое сентября?

— Рина?

Кажется, она так и не поставила ногу на землю. Забыла сделать шаг, зависла в воздухе.

— Рина, это ты?

Ей даже не надо было оборачиваться, чтобы посмотреть, кто ее зовет. Этот голос был впечатан в ее ДНК.

— Рина?

— Митя? — не сказала, а выдохнула.

Перед тем как обернуться, на секунду закрыла глаза, задержала дыхание.

Солнце палило невыносимо, сжигало дотла. На небе ни облачка, а обещали дождь. Впрочем, он уже извещал о скором прибытии — давлением, ласточками, летающими низко, внезапной головной болью и пылью в воздухе.

Удары сердца гулко отдавались в ушах, перехватывали горло, вызывали слезы на глазах. Словно заведенная кукла, она обернулась, открыла рот для радостного приветствия, но не смогла вымолвить ни слова.

— Неужели так изменился? — пауза чересчур затянулась, и Митя решился нарушить ее первым.

— Нет, что ты, — фальшиво запротестовала Регина, но такая примитивная ложь не обманула бы даже глухого.

Митя изменился. Очень изменился. Спортивный и сухошавый, он набрал лишний вес, который тщетно пытался скрыть под свободным пальто (в такую жару!). Потухшие светлые глаза, длинные неухоженные волосы спрятаны под легкой шапкой, на лице щетина, не имеющая ничего общего со стильной небритостью — отросшие короткие борода и усы, в которых уже наметилась первая седина. Черная водолазка под горло подчеркивает землистый цвет лица и вселенскую усталость. Свободные брюки. Известный бренд, хорошее качество. Но дорогие и стильные вещи не спасали. Они нелепо морщились на корпулентном Мите и делали его похожим на клиен-

та Армии спасения, которому удалось разжиться новым гардеробом из запасов почившего директора банка.

— Что... — Регина оборвала себя.

Ничего у него не случилось, ты прекрасно об этом знаешь. Мир на самом деле очень маленький. И он периодически доносил до Регины отголоски новостей про то, как хорошо Митя устроился в столице. Женился, сына растит, открыл несколько клиник, купил дом за городом.

— Шикарно выглядишь. — Казалось, Митя не заметил ее реакции, а даже если и заметил, то близко к сердцу не принял. — Красавица. Впрочем, как всегда.

— Ты какими судьбами здесь? — только и смогла выдать Регина, отчаянно борясь с собственными органами восприятия и заставляя их осознать открывшуюся картину. И понять.

— Сына в школу привел, — пожал плечами Митя, мимолетно усмехаясь и словно выглядывая кого-то, кто стоял позади Регины. Та даже обернулась, но не заметила ничего интересного — обычная суета, царящая во дворе школы первого сентября. Взволнованные родители, взлохмаченные дети, подростки, пытающиеся строить из себя взрослых. Те, кто еще не стесняется собственных эмоций, оживленно болтают, перебивают друг друга, обнимаются, целуются, сторонятся. Живут. Она уже и забыла, как это может быть просто и прекрасно одновременно. — А ты здесь как? — старательно, но как-то неловко поинтересовался Митя.

— У меня дочь в первый класс пошла, а сын в восьмой.

— В восьмой? Может, даже с моим вместе будет. У тебя двое детей?

— Да, — кивнула Регина.

— Замужем?

— Конечно, — после краткого замешательства ей удалось даже добавить радости в голос. — У меня все хорошо. Занимаюсь детьми, блогом. А... у тебя? Ты почему здесь? Ты же... уезжал в столицу, — наконец-то ей удалось это сказать.

Годы работы с психотерапевтом прошли не зря. Она даже сумела посмотреть ему в глаза. Те по-прежнему были светло-серыми, но за очками, которые он теперь носил, этого практически не было видно.

— Уезжал, — крупным мазком Митя ушел от темы. — Знаешь, я ведь стал врачом. Реаниматологом. А какая разница, где спасти человеческие жизни?

Внезапно стало холодно, да так, что задрожали руки и по открытой в честь жаркого дня коже побежали крупные мурашки. Предатели.

— Да, конечно, но... — Она все-таки смогла справиться с собственным голосом, он не сорвался, в отличие от тысячи вопросов, моментально созревших в голове и уже просившихся на язык.

Ее прервал звонок телефона и надпись «Любимая» на экране Митинога телефона.

— Ладно, не буду тебя отвлекать, пора бежать, удачи. — Все вышло как-то скомканно и глупо, но ей действительно нужно разыскать детей, познако-

миться с учительницей и сделать хотя бы несколько фотографий и стримов. Главное, чтобы Алиса снова не закатила концерт.

Ей стоило большого труда идти с расправленными плечами и прямой спиной. А также игнорировать тот факт, что Митя отвернулся от нее, разговаривая по телефону с «Любимой».

Исхитрившись и все-таки поцеловав Тима, Регина сделала несколько селфи с Алисой, предварительно шепнув ей на ухо, что после школы они пойдут есть мороженое, а потом сразу же в магазин игрушек за ужасными куклами. Та благоразумно не стала капризничать и устраивать истерики, была слишком поглощена всем происходящим, покорно дала себя поцеловать и даже улыбнулась в камеру, помахав почти полутора миллионам подписчиков.

Еще вчера Регина сочла бы это победой и добрым знаком, что их отношения меняются и в них появляются тепло и хотя бы некое подобие привязанности, но сейчас ей было не до этого. Неожиданно свалившаяся на голову возможность подумать о чем-то кроме семейных проблем кружила голову. Несмотря на проклятую «Любимую» на экране.

Покончив со всеми необходимыми формальностями, сфотографировавшись с парочкой узнавших ее подписчиц (все-таки она молодец, что успела до школы заглянуть на укладку), Регина, с трудом дождавшись, пока прозвенит торжественный первый звонок, легкой походкой вышла со двора и бегом бросилась к машине.

Все время торжественной линейки, общения с учительницей Алисы, с мамами одноклассников Тима и с поклонницами Регина украдкой бросала взгляды по сторонам в поисках Мити, но тот словно растворился в воздухе. Впрочем, сейчас это было не главное. Главное, что он каким-то невероятным образом снова оказался здесь, в городе.

Распахнув дверь машины, она рухнула в салон и наконец-то сделала то, о чем мечтала все утро. Достав телефон, она нажала на цифру «1» — быстрый набор номера.

— Лизка, ты не поверишь, кого я сейчас встретила! — зататорила она в трубку.

* * *

Аллу сложно было не заметить. Красивая, ухоженная, с отличной фигурой (жена, по ее словам, «сублимировала» в спортзале), дорого одетая. Но привлекало к ней внимание вовсе не это, а выражение лица. Алла смотрела на всех так, словно одаривала милостью одним своим присутствием. Удивительно, как ей, такой невысокой, в любых обстоятельствах удавалось смотреть на мир сверху вниз. Алле достаточно было лишь взглянуть на человека этим своим взглядом, как тот тут же давал его жене все необходимое.

Но сейчас Митя не собирался этого делать. Его неимоверно бесила ее уверенность в том, что она все делает правильно. Ее полное наплевательство на то, что она рушит жизни других людей. И способность обвинить в несчастьях всех... кроме себя.

С утра он нервничал перед встречей с женой. Он ненавидел ссоры и конфликты, но достаточно было лишь взглянуть на Регину, как все внутри перевернулось. Ему захотелось излить гнев, бессилие и злость за то, что все пошло не так и жизнь разрушена. Хотя как раз в этом Алла была не виновата.

Резко чиркнув стулом по полу, Митя тяжело рухнул на заскрипевшее под его весом сиденье. Алла чуть брезгливо поморщилась — она не выносила громких звуков и полных людей.

— Почему моего сына сегодня повел в школу другой мужчина? — Митя не стал ходить вокруг да около. Встреча с Региной подействовала на него сильнее, чем он ожидал. Словно кто-то взял топор и одним махом прорубил в плотине дыру, через которую эмоции хлынули наружу.

— Потому что теперь у него новый папа, — спокойно пожала плечами жена и манерно взяла в руку чашку кофе, собираясь сделать глоток, но Митя неожиданно проворно схватил ее за кисть и резким движением притянул к себе, проливая кофе на свое и так не особо свежее пальто.

— Папа у него один и всегда будет один, я не дам тебе забрать у меня сына, — кипящим от ярости голосом прошептал он ей на ухо.

— Пусти, мне больно, — прошипела Алла, но Митя и не думал сдаваться. Ему, в жизни своей не причинившему никому боли, неожиданно захотелось ударить жену. Никакая она ему больше не «любимая», надо будет переименовать ее в телефоне. Впрочем, «любимой» она никогда и не была. Он, как и все, лишь создавал видимость.

— Перестань вести себя как стерва, — процедил он.

— Я? — Черные глаза Аллы оказались неожиданно близко к его глазам и постарались прожечь дыру в его голове. — Я веду себя как стерва? Это говорит мне человек, который меня никогда не любил? Который испоганил мне жизнь?

Митя разжал руку, и Алла рухнула на стул, неосторожно расплескав остатки кофе на идеальное новое платье.

— Я не дам тебе забрать сына, — взяв себя в руки, спокойно проинформировал ее Митя.

— Интересно, как ты можешь этому помешать? — фыркнула Алла. — Ты же ноль, пустое место. Только говоришь, но никогда не делаешь. И никогда не делал, милый. Иначе бы ты не сидел сейчас здесь.

Алла не удержалась от шпильки, но Митя оставил реплику жены без ответа, уж слишком она ударила по живому. Лишь упрямо повторил:

— Я не дам тебе забрать сына.

— Чего ты вообще хочешь? Забрать его себе? — зло выплюнула жена. — Ты что, будешь целыми днями с ним возиться, водить в школу, возить на кружки, готовить ему завтраки, обеды и ужины? Или, может, твоя мамочка будет этим заниматься? — от нелепости мысли Алла расхохоталась. — Митя, будь реалистом. Матвей останется со мной, и точка.

Резко встав, она кинула на стол заранее приготовленную купюру и быстро вышла из кафе. Одним неловким движением Митя сбросил на пол

оставленную Аллой чашку, хранящую след красной помады. Та с громким стуком упала и разбилась. Митя с вызовом посмотрел на остальных посетителей кафе и перевел тяжелый взгляд на официанта:

— Я компенсирую.

Что такое плата за разбитую посуду по сравнению с тем, что ему предстояло?

* * *

Мите было больно смотреть на мать. Та, всегда ухоженная, одетая с иголки, в любой ситуации с прямыми плечами и идеальной прической, сейчас выглядела постаревшей, жалкой, несчастной и словно сдувшейся.

— Ты с ней поговорил? — Екатерина Антоновна приложила к глазам шелковый платочек. Бумажные салфетки она не признавала и считала плебейством. Шелковые платки были у матери всю жизнь, сколько Митя себя помнил. С собственной монограммой, она изготавливала их на заказ. Они «соответствовали статусу». Тому самому статусу, который разрушил жизнь ее сына.

— Поговорил, мама, но не в том смысле, который тебя интересует, — тяжело выдохнул он, подвигая к себе бутылку с купленным по дороге пивом и делая щедрый глоток.

Они сидели на просторной материнской кухне, в которой та недавно сделала ремонт. Привычная и любимая с детства обстановка исчезла, ее заменила стильная серая мебель с глянцевыми поверх-

ностями. Совершенно непрактичный прозрачный стол и в пару ему прозрачные пластиковые стулья. Мать твердила, что так в помещении больше света и воздуха, сам же Митя чувствовал себя как посетитель пивной, из которой хочется смотреться, как только прикончишь свою кружку пива.

— Я что же, опять не увижу Матвея? — Екатерина Антоновна театрально всхлипнула. Внука она любила. Любила той беззаветной любовью, которой в свое время не досталось сыну. Когда хочется нещадно баловать, зацеловывать, ничего не требовать, не ругать, не контролировать, никуда не толкать, а просто наслаждаться каждым моментом так стремительно пролетающего детства.

— Мама, я все улажу, — не очень уверенно заверил ее Митя и положил неуклюжую опухшую руку на материнскую — теплую, родную, с идеальным маникюром, украшенную массивными кольцами.

Ему больше не хотелось говорить об Алле и о том, что привело его в родной город. Неожиданно все это отошло на второй план. Он все решит. Если не сам, то подключит органы власти. Связи и деньги у него имеются. Алла ошибается: в этот раз он добьется своего, не такой уж он и бесхребетный неудачник, как ей кажется.

Немного поколебавшись, Митя решился.

— Знаешь, кого я сегодня встретил? Регину! — выпалил и тут же осекся: зачем он это сказал? Мать это вряд ли порадует. Скорее добьет. Впрочем, почему нет? Столько времени прошло, он взрослый человек, пора им уже обо всем спокойно поговорить. Все уже отболело и отгорело. Все прошло.

— Регину? — Плечи Екатерины Антоновны ментально расправились, а глаза просохли и сверкнули давно угасшими молниями. — Ты что, ее искал? Ты поэтому решил вернуться? К ней?

— Мама, успокойся, вернулся я из-за Матвея. К тому же Регине я совершенно не нужен, — горько усмехнувшись, покачал головой Митя. — Она замужем, у нее двое детей, прекрасно выглядит, популярный блогер. Вот, смотри.

Избегая смотреть матери в глаза, Митя достал телефон и сделал вид, что замешкался, пытаясь найти блог Регины. На самом деле он посвятил ему почти два часа, которые провел в ресторане неподалеку после встречи с Аллой. Успокаивая нервы коньяком и бифштексом. Рассматривал фото, читал подписи и комментарии, с горечью осознавая: Регина стала другой. Умной, дерзкой, острой на язык. Способной постоять за себя. Знающей себе цену. Незнакомой.

— Вот, смотри, это она. — Он открыл блог и протянул матери.

Екатерина Антоновна дрогнувшей рукой взяла телефон и уставилась в лицо той, кого ненавидела от всей души и кого искренне надеялась никогда больше не увидеть.

Четырнадцать лет назад

Она была похожа на разъяренную пантеру, мечущуюся в тесной клетке, готовую разорвать и уничтожить, впиться зубами в глотку и пере-

грызть артерию. Пойти на преступление, лишь бы спасти своего мальчика. Сходства добавляли черное свободное платье и темные волосы, с помощью которых Екатерина Антоновна в очередной раз сменила имидж.

Лихорадочно распахивала один шкаф за другим, сметая с полок все, что попадалось под руку. Вначале она пыталась аккуратно сложить Митины вещи в чемодан, но вскоре оставила попытки — потом разберется. Сейчас это не главное, на порядок нет времени. Нужно купировать как-то это безумие, пока не стало слишком поздно. Все исправить. Хотя нет — как это можно исправить? Нужно просто минимизировать последствия. Она не даст своему мальчику сгинуть!

— Мама, что ты делаешь? Прекрати! Просто выслушай меня! — Митя пытался ей помешать, путался как щенок под ногами, бестолково бегая за ней и стараясь поймать за руку. Закрывать дверь, распаковать чемодан, положить вещи на место. Успокоить мать и все ей объяснить.

— Заткнись и не мешай мне! — впервые в жизни Екатерина повысила голос на любимого сына и обратилась к нему в подобном тоне. — Тебя посадят как соучастника, идиот!

— Мама, да прекрати ты! — неожиданно заорал в ответ Митя, и Екатерина застыла, остолбенев. Ее сын кричит на нее?

— Мама, выслушай меня, дай сказать! Никто никого не убивал! Мы и так были вместе с Региной, а не с Лизой! — продолжал кричать Митя, сходящий с ума от материнской суеты и истерики.

— Я не желаю тебя слушать, — с трудом взяв себя в руки, ледяным тоном сообщила Екатерина, медленно подходя к закрытому сыном чемодану, открывая его и кладя в него небрежно свернутый свитер, который держала в руках. — Ты уезжаешь, Митя. Отец уже купил билеты и едет за тобой. Ты уезжаешь сегодня же.

— Что? Нет! — Сын сделал шаг назад, воинственный тон исчез. Митя выглядел жалким, потерявшимся, как в тот день, когда она впервые отпустила его от себя и отвела в школу, открыв дверь в новый мир, принесший им столько бед и несчастий.

— Да, Митя, ты уезжаешь, и это не обсуждается. — Снова почувствовав себя хозяйкой положения, Екатерина даже рискнула повернуться к сыну спиной и сделать шаг к шкафу, собираясь достать из него оставшиеся вещи.

— Никуда я не поеду! — выкрикнул ей в спину Митя. Прежде чем она сумела что-то ответить, развернулся и выбежал из комнаты. Екатерина не сразу сообразила, что происходит, а когда поняла, было поздно. Хлопнула входная дверь.

Вначале она хотела броситься за ним, но остановилась на пороге. Это будет выглядеть нелепо — на радость всем дворовым сплетницам мать бежит за сыном по двору в жалкой попытке удержать его дома. Нет, она до этого никогда не опустится.

Четким размеренным шагом она подошла к сумочке. Мерный ритм, который отбивали каблучки по паркету (она даже дома носила обувь на каблучках, не опускаясь до пошлых тапок), прозвучал

оглушительно. Достала из сумки, стоящей на строго отведенном ей месте, телефон и набрала номер мужа. Тот ответил после третьего звонка:

— Катюша, я уже подъезжаю.

— Разворачивайся. Митя сбежал из дома.

— Сбежал? В каком смысле сбежал? — не сразу сообразил муж. Он вообще был редкостным тугодумом.

— В прямом. К этой... — она не смогла себя заставить произнести имя. Слишком претенциозным оно было и совершенно не подходило хозяйке. Вот уж правду говорят, что чем дальше от города, тем больше Анжелик.

— Поезжай в трущобы, он наверняка где-то там. Больше ему пойти некуда. И привези его домой, чего бы тебе это ни стоило.

* * *

— Рина! Рина, ты дома? Открой! Это я! — Он уже пять минут колотил в хлипкую дверь, выкрашенную противной бордовой краской, в тщетной попытке хоть как-то остановить происходящее безумие. Что случилось? Куда она пропала? Она должна быть дома, ей больше некуда идти. Они должны поговорить, должны помочь друг другу. Сбежать вместе. Они смогут, выстоят. Или... Или она тогда сказала правду про Костика?

— Чего разорался? — Дверь распахнулась так неожиданно, что Митя едва устоял на ногах, в последний момент успев схватиться за дверной косяк.

— Извините, — пробормотал он, стараясь не морщиться от запаха, который источала женщина, появившаяся на пороге.

Болезненно худая, в обвисшем полинялом халате, приоткрывавшем миру поникшую грудь и тощие синие ноги, покрытые мелкой сеткой сосудов. Грязные спутанные волосы, опухшие глаза, которых практически не было видно. Женщина попыталась опереться о косяк, но стремительно заскользила куда-то вниз и, вцепившись в хлипкую облезлую дверную ручку, пьяно засмеялась:

— Чего шумишь, любовничек? Нет Регинки!

— Это неправда! — Стараясь побороть отвращение, Митя сделал шаг по направлению к пьяной нимфе, но та цепко держалась за дверь, всем видом демонстрируя, что если он решит прорываться сквозь нее, то она не сдастся без боя.

— Ишь ты, неправда! Ты что это такое говоришь? Тебя что, маман твоя не воспитывала? Взрослым такое говоришь, — забормотала женщина, пытаясь уловить ускользающую мысль. Но ей это не удалось.

— И вообще, где здрасте? — в итоге выкрикнула она.

— Здрасте. Регина! — закричал через ее голову Митя, вновь предпринимая отчаянную попытку прорваться в квартиру. Касаться матери Регины ему совсем не хотелось, но она не оставила ему выбора.

Митя сделал решительный шаг по направлению к прихожей, когда случилось то, чего он совсем не ожидал. Щуплая Лариса Васильевна, едва

стоящая на ногах после очередной пьянки, вдруг с неизвестно откуда взявшейся силой оттолкнула его и резво захлопнула дверь перед самым носом, громко и отчетливо пригрозив с другой стороны:

— Я милицию позову, если не отстанешь. Катись отсюда и оставь Регинку в покое! Все проблемы из-за тебя!

* * *

Придерживаясь рукой за стены, Лариса Васильевна побрела вглубь квартиры. Та была крошечной. Две комнатухи, не видевшие ремонта с момента сдачи дома в эксплуатацию. Отдельную она отдала дочери, понимала, что той нужны место и покой для учебы. Только так она сможет вырваться в лучшую жизнь. Себе оставила проходную. Ей много не надо. Да и идти недалеко до кухни, если жажда одолеет. А так бы пришлось Регинку будить каждый раз, а та страсть как не любит, когда Лариса Васильевна душевную боль беленькой лечит.

Сейчас душа тоже молила о небольшой дозе лекарства, но Лариса сумела справиться с порывом. Нужно было хоть как-то сосредоточиться и решить, что делать дальше. Доченька ее в беде, и она должна помочь. Только что ей делать? Что она вообще может сделать? Лариса почувствовала, как на глаза набежали слезы. Как только Регинка родилась, она пообещала себе стать для нее хорошей матерью. Но не справилась, предала доченьку.

С трудом преодолев крошечное пространство, Лариса наконец дошла до комнаты Регины. Та сидела на полу, свернувшись клубочком и забившись

в угол под раскладным столом, который постоянно использовала в качестве своеобразного убежища. Рыдала навзрыд, но мать не рискнула послушаться, к Митьке не выбежала и вообще дурости не сделала.

Лариса, собиравшаяся прочесть дочери нотации и наподдать как следует за все, что та натворила, вдруг почувствовала, что у нее просто нет сил. Она рухнула на старый линолеум, полинявший местами, который оставался чистым лишь благодаря тому, что дочка сама убирала свою комнату и не допускала туда мать. Притянула к себе рыдающую девочку и погладила ее по темным спутанным волосам.

— Кто еще о вас знает? — вздохнув, поинтересовалась она.

— Никто, мамочка, никто. — Регинка разрыдалась пуще прежнего и с неожиданной силой и любовью прижалась к матери.

Лариса почувствовала, как слезы закипают в глазах. Ее девочка не обнимала ее уже очень давно. Все чаще в последнее время ей казалось, что Регина ее просто ненавидит и считает дни до того момента, когда сможет наконец вырваться из материнского дома. А ведь она очень любила свою девочку, просто не знала, как это сказать и показать. Да и жизнь у нее такая... неудачная. А теперь ее девочка в беде. Возможно, из-за нее. Но она ей обязательно поможет. Обязательно.

Снова погладив дочь по волосам, Лариса Васильевна вдруг заголосила вместе с ней от резко нахлынувшей черной тоски и безысходности. И полного непонимания, как им всем жить дальше.

Сквозь мутное стекло Митя смотрел на перрон, но ничего не видел. Куда делась Регина? Кроме матери, у нее не было никаких родственников, к которым ее могли отправить. Сбежать, ничего ему не сказав, она не могла. Да, у нее не было телефона, но она бы нашла способ с ним связаться, если бы захотела. А если не захотела? Испугалась? Поняла, что по сравнению со всем происходящим он, Митя, для нее вообще ничего не значит? Что это не любовь, а так, просто все вокруг ходят парами, вот и ей захотелось. Или все-таки она правду сказала про Костику?

От этой мысли стало горько и больно. Митя почувствовал, как в глазах отчаянно зашипало, из-за этого грязное вагонное стекло стало еще более мутным. Но он этого не видел, да и отца заметил лишь тогда, когда тот появился на пороге купе с чемоданами в руках.

Деловито разместив их под полкой места напротив, отец отошел в сторону, пропуская в купе молодую девушку, ровесницу Мити. Тот краем глаза отметил, что одета девица в короткую юбку и футболку, открывающую смуглые плечи. Черные волосы переброшены через одно плечо. Яркий макияж делал девушку старше. Знойная красотка из тех, кого любят снимать в клипах американские рэперы.

— Митенька, ты помнишь Аллочку, дочку Степана Петровича? — неестественно улыбаясь, чужим деревянным голосом поинтересовался папа.

Вместо ответа Митя снова уставился на перрон, не видя его. Регина его бросила? Уехала? Наплевала на него? Ушла к Костику?

— Представляешь, Аллочка едет поступать в тот же университет, что и ты! И так удачно — у нее в столице одинокая тетка, а у той трехкомнатная квартира. Ты сможешь пожить у них до того, как найдешь себе жилье.

Митя продолжал хранить молчание, совершенно не вслушиваясь в слова отца.

— Аллочка, Митя сейчас не в духе, нервничает. Ты присмотри за ним, будь добра. Я знаю, какая ты ответственная и умная девочка, папа все время о тебе рассказывает.

— Не переживайте, Леонид Николаевич, — неожиданно глубоким и взрослым голосом заверила отца Алла. — Я за ним обязательно присмотрю.

Улыбнувшись в мутное окно, она принялась пристально рассматривать Митю.

Наше время

Снежана была удивительно хороша. Секс сочился из нее, ей ничего не требовалось для этого делать. Просто наклонить голову, посмотреть, вздохнуть. Сергей не мог представить себе ни одного мужчину, который бы перед ней устоял. Так ему было чуть легче жить с тем, что сам он легко поддался соблазну и изменил жене на первой же съемке для блога Снежаны.

Он поставил фотоаппарат на штатив, а сам стоял за ним, глядя на экран. Снежана разговаривала с ним, а фотоаппарат сам делал тысячу снимков. Ему нужно будет лишь выбрать лучшие, хоть это

и непростая задача. Снежана была на удивление фотогенична. И даже если она обсуждала поход в магазин за хлебом, то на фото это будет выглядеть так, словно она исповедуется в самых темных грехах.

— Как прошел первый школьный день? — заинтересовалась Снежана, падая на кровать и прикрывая обнаженное тело одеялом в шелковом пододеяльнике. Спать, укрывшись таким, было жутко неудобно, но на фото выглядело бомбически. Вся обстановка в доме Снежаны служила этой цели — она была секс-блогером и зарабатывала на сексе.

— Не знаю, я не успел заглянуть в школу, опаздывал на съемку, — Сергей поправил рубашку, которую натягивал впопыхах после того, как Снежана с порога утянула его в постель.

— Надеюсь, нашего сына ты сам поведешь в первый класс, — хихикнула Снежана, кутаясь в одеяло и выглядя еще более соблазнительной, насколько это было возможно. Тщательно покрашенные светлые волосы, голубые глаза в обрамлении угольно-черных ресниц, розовая кожа — грешница Ева, изгнанная из Рая.

— Снежана, — хихикнул Сергей, но тему развивать не стал, ему не особо нравилось, когда любовница начинала рассуждать о будущем. Не то чтобы он был безумно влюблен в жену или невероятно дорожил семьей. Вовсе нет. Просто его все устраивало, ему не хотелось ничего менять.

— Нет, я серьезно. Через семь лет наш малыш возьмет за руку своего папочку и пойдет с ним в первый класс. Это же так важно, чтобы отец всег-

да был рядом, — Снежана вдруг нахмурилась. — Или сейчас дети идут в школу в шесть?

— Неважно, — пожал плечами Сергей, а Снежана неожиданно вскочила с кровати, в два шага преодолела пространство между ними и запрыгнула на Сергея, едва не повалив его на пол.

— Как это — неважно? Ты что, не понял, дурачок? Я беременна!

Сергей пошатнулся и, наверное, упал бы, если бы не ухватился в последний момент рукой за марморную столешницу новомодного стола.

— В каком смысле? — пробормотал он.

— Ну, ты чего... в каком смысле? В прямом! Я беременна!

Снежана пытливо заглянула в глаза Сергея, но, вопреки ожиданиям, особой радости в них не обнаружила. Страх, шок, непонимание — что угодно, кроме счастья.

— Снежана, это так неожиданно, — забормотал Сергей. — Но мы ведь... Ты же говорила, что на таблетках?

— Ну, забыла выпить пару раз, бывает, — пожал плечами Снежана. — А что, ты не рад?

— Рад, конечно, но, понимаешь, я ведь простой фотограф, а не олигарх, я не уверен, что смогу прокормить троих детей, — снова забормотал Сергей, аккуратно усаживая Снежану на столешницу и делая шаг в сторону, к стулу. Кое-как взгромоздившись на него (мебель в квартире у любовницы была красивой, но страшно неудобной), Сергей обхватил голову руками. Идиот! Он ведь собирался порвать с ней еще пару месяцев назад, зачем тянул?

— Почему троих? — искренне удивилась Снежана и, протянув руку, погладила Сергея по лицу.

Если их сын — а у них непременно будет сын, зачем ей дочка-конкурентка? — будет похож на отца, то это прекрасно. Хотя, пожалуй, чуть побольше мужественности ему не помешает. Но этот идеальный нос, чувственные губы, изящно очерченные скулы, тонкие пальцы и густые пшеничные волосы, в которые ей так нравилось запускать пальцы. Все это непременно будет у их мальчика!

— Потому что у меня уже есть двое, — нервно хихикнул Сергей.

Голова шла кругом, и он никак не мог выдать нужную реакцию. Захотелось выпить и спрятаться под одеялом. Впрочем, сорвись он сейчас с места, резко покинь квартиру и захлопни за собой дверь, чтобы никогда больше сюда не возвращаться, вряд ли Снежана обрадуется такому повороту событий и просто так смирится с происходящим.

— Ну каких двое? — скривила носик девушка и даже с такой гримасой сумела остаться хорошей. — У тебя только один сын, он уже большой. Каких-нибудь пять лет — и больше никаких алиментов! Как раз наш малыш пойдет в школу, ты сможешь полностью на нем сконцентрироваться.

— А Алиса? — бестолково спросил Сергей, пытаясь найти на лице Снежаны хотя бы проблески человечности, но тщетно.

— Алиса? — искренне удивилась та. — А при чем тут Алиса? Это же не твоя дочь!

— Моя. Я ее удочерил, — тихо напомнил Сергей, в очередной раз проклиная себя за поспешное решение.

Да, девчонка смогла вернуть былую популярность блогу, но цена была слишком высока. Нельзя было брать первую попавшуюся просто потому, что она показалась ему фотогеничной. Надо было все-таки присмотреться к ней, поговорить с предыдущими семьями. Это Регина виновата, увидела девочку и «влюбилась», как она сама утверждала в первое время. Вот уж правда — от любви до ненависти один шаг.

— Когда ты ей скажешь? — Снежана стала серьезной. Обеими руками обхватив лицо Сергея, развернула его к себе и уставилась в глаза.

— Кому? — не сразу понял тот, запутавшись в собственных мыслях.

— Регине, — вздохнув, терпеливо объяснила Снежана.

Любимый был красив как античный бог, застывший в камне, но и соображения у него было столько же, сколько у мраморной скульптуры.

— Что скажу Регине? — безнадежно прошептал Сергей в тщетной попытке хотя бы на секунду удержать разваливающийся на куски мир.

— Что ты от нее уходишь! — триумфально воскликнула Снежана, не оставляя ему ни капли надежды.

* * *

Алиса била ее иступленно, с удовольствием, стараясь попасть по самым болезненным местам. Из собственного опыта она знала, что когда бьют

по лицу и таскают за волосы, то это не только больно, но и очень обидно. Именно поэтому она вцепилась в косы маленькой девочки, которую посадили с ней за одну парту. У той в пенале оказались восхитительные яркие резинки и ручки с милыми пони, которыми она не захотела поделиться с Алисой. А ведь та даже сказала «пожалуйста»! И когда Алиса сама взяла симпатичные вещицы, эта дурочка додумалась обвинить ее в краже.

— Перестань! Помогите! — голоса разума были редки и слабы: большинство первоклашек окружили дерущихся девочек плотной стеной и с жадным любопытством наблюдали за происходящим, не подозревая по наивности лет, какую опасность может таить в себе обычная детская драка.

Впрочем, дракой происходящее назвать было нельзя. Сильная и агрессивная Алиса, успевшая в юном возрасте поднатореть в искусстве драки, добивала соперницу — домашнюю девчушку, за всю свою короткую жизнь не получившую даже шлепка по попе.

— Что здесь происходит? — голос учительницы, заметившей неладное, подействовал словно спрей от насекомых: первоклашки бросились врассыпную в страхе получить чужое наказание.

Учительница, ахнув и всплеснув руками, цепко ухватила Алису за шкуру, оттащила от повергнутой воюющей соперницы и хорошенечко встряхнула:

— Алиса, это что еще такое?

— Она меня побила, — провыла поверженная девочка. — И украла мои ручки! И не хочет отда-

вать! А когда я сказала, что все расскажу, она меня ударила.

— Алиса, это правда? — Учительница, поставив девочку на место, уставилась в дьявольские зеленые глаза, которые Алиса сузила. На мгновение учительнице показалось, будто та сейчас расплечется. Но вместо этого девочка собралась, натянулась как струна и плюнула ей в лицо.

* * *

Кабинет школьного психолога напомнил Регине детский сад, в который мать отдала ее, как только это стало возможным. Ей еще и года не исполнилось. В отличие от других детей, горько рыдавших при расставании с родителями, Регина бежала в сад со всех ног. Ведь там было просто чудесно! Тепло, уютно, красиво.

Там свежий ветер развевал легкие занавески, впуская в помещение солнце и весну. Там восхитительно вкусно кормили. Мягкие аккуратные кровати были выставлены ровно в ряд, а постельное белье пахло чистотой и свежестью. Она могла играть с яркими игрушками, добрые нянечки и воспитательница задавали ей вопросы и интересовались ее жизнью. Впервые Регина заплакала, когда пришла пора расставаться с детским садом. Уже тогда детским разумом она понимала, что больше никогда в жизни ей не будет так хорошо, тепло и спокойно, как здесь.

Воспоминания нахлынули неожиданно и вызвали слезы на глазах. Регина тут же обругала себя —

вот дура, еще не хватало разреветься на глазах у школьного психолога! И хотя новость о том, что Алиса украла вещи и затеяла драку в первый же школьный день, моментально вызвала истерику, нельзя это демонстрировать миру.

— Я хочу к маме, к маме, — заходилась девчонка, заголосившая ровно в тот момент, когда Регина вошла в комнату.

— Успокойся, милая. — Женщина, похожая на добрую бабушку, сидела на диванчике рядом с девочкой и обнимала ту за плечи. Регина бы не удивилась, узнав, что до ее прихода психолог кормила Алису домашними пирожками и поила вишневым компотом. — Вот твоя мама.

— Это не моя мама, — зашлась в новом витке Алиса. — Уходи, ненавижу тебя!

Регина, бледная и растерянная, стояла на пороге кабинета и не знала, куда ей деться от позора.

— Алиса, детка, — психолог обо всем догадалась. — Давай ты немного посмотришь на зверюшек, а мы с твоей... а мы поговорим. Тебе ведь говорила учительница, что у нас есть живой уголок?

Ловко подхватив переставшую в один момент орать девочку, психолог подвела ее к открытой двери, аккуратно подвинула застывшую столбом Регину и указала Алисе на кабинет напротив:

— Иди, детка, там есть два кролика, очень милые. И попугайчики. Если тебе повезет, ты услышишь, как они разговаривают. Иди, я к тебе взгляну минут через, — она бросила взгляд на изящные часики на руке, — двадцать.

Моментально утихомирившаяся Алиса, игнорируя Регину, вприпрыжку побежала в указанном направлении, приоткрыв дверь и увидев кроликов, взвизгнула от восторга, как вполне нормальный ребенок. Психолог же, прикрыв дверь, уставилась в глаза Регине цепким взглядом. От доброй бабушки не осталось и следа.

— Присаживайтесь, — кивнула она на удобное кресло, расположенное возле ее рабочего стола. А сама, изящно обогнув его, села на краешек жесткого неудобного стула.

— Девочка удочерена, как я понимаю?

Вместо ответа Регина кивнула, садясь в кресло, и тяжело вздохнула:

— У нас сложный период. Но я очень стараюсь.

— Это понятно, — кивнула психолог. — Я знаю, что это непросто.

— Очень непросто. — На Регину вдруг накатило безумное желание выговориться.

С Сергеем она не могла обсуждать такие вопросы, с Лизкой тоже — подруга бы не поняла. А больше у нее никого не было. Выливать на собственного психотерапевта еще и это не хотелось. Ей бы проблемы прошлого решить.

— За два года мне так и не удалось найти с ней общий язык, я не уверена, что это вообще когда-нибудь получится. Это я во всем виновата, — привычно покаялась Регина.

— Вы знаете, за что Алиса ударила другую девочку? — мягко уточнила психолог.

— Нет.

— За то, что та назвала ее воровкой. После разбирательства выяснилось, что она действительно взяла без разрешения вещи другого ребенка. Мелочь, ничего важного, но это говорит о том, что Алисе катастрофически не хватает внимания, она привлекает его так, как может.

— Я постоянно пытаюсь быть с ней! — с отчаянием воскликнула Регина. — Но она меня отталкивает. Не хочет ни играть, ни гулять, ни чем-то заниматься вместе. Я уже все перепробовала.

Психолог посмотрела в окно, словно осмысливая то, что услышала от Регины. Регина тоже перевела взгляд на чисто вымытое стекло и обнаружила, что ничего интересного из него не видно. Кусок школы и немного серого неба.

— А вы знаете, что большинство детей, которых берут из детского дома, туда же и возвращаются в итоге? — спросила психолог после краткой паузы.

— Нет, — только и смогла выдавить из себя Регина.

— Вам совершенно не в чем себя винить. — Регине тут же захотелось обнять и поцеловать пожилую женщину. Как же редко ей приходилось слышать, что она ни в чем не виновата. — Если вы, перепробовав все методы, вдруг решите вернуть Алису обратно, то это будет закономерно. К сожалению, это участь большинства детдомовских детей, которые попадают в семью уже сформировавшись, — подытожила та и снова улыбнулась, став похожей на добрую бабушку.

— Это исключено. — Регину словно ударили током. Она в шоке посмотрела на психолога и не-